

Он падает на землю, вздымая пыль и осколки камня, и появляется из темноты с громовым треском и всплеском чакры, похожим на детонацию. Полумгновение света - единственное предупреждение, и Курама автоматически выбрасывает вверх собственную чакру, смягчая падение, насколько это возможно. Но все равно жжет и болит, как будто кожа содрана, когда он ударяется о заснеженную землю достаточно сильно, чтобы оставить после себя кратер.

В течение долгого времени единственным звуком является нежный дождь из камней, сыплющихся вокруг него, и медленный, стонущий скрип дерева, которое перевешивает и затем падает с треском. Курама еще мгновение стоит на месте, потрясенный внезапным подтверждением реальности, а затем медленно поднимается на ноги.

Его трясет, смутно осознает он. Дрожащая, тщедушная человеческая форма содрогается от того, что, по его рассеянному мнению, может быть шоком. Но он не обращает на это внимания, потому что перед глазами у него только багровый цвет, переливающийся через зеленый, и голова со светлыми волосами, небрежно отбрасывающая грязь, когда Кагуя только что бросила Наруто.

Бросила его, как мусор. Как мусор.

Возможно, его тряска - это не шок.

Курама делает вдох, выпускает воздух, и тот разлетается вокруг него белым облаком. И только тогда он осознает, что холод такой, какой он есть - острый, гораздо острее, чем когда-либо прежде, особенно на фоне мокрой груди. Он прижимает к ней руку и чувствует щеку, но не смотрит вниз, уже зная, что увидит.

Кровь. Кровь на оранжевой рубашке, скопление маленьких дырочек, прорезавших ткань, потому что это тело Наруто, форма Наруто, и...

Человеческий разум не выдерживает такого напряжения, говорил Наруто. Его череп отскочил от твердой земли со звуком, похожим на неосторожно брошенный спелый плод, отскочил один раз, прежде чем Курама потерял рассудок от темноты, но он знает, что у Наруто не осталось достаточно чакры, чтобы позволить ему проявиться. Наруто запер Кураму в собственном теле и использовал его как сосуд, отправив их в прошлое, даже когда сам умер.

Если у него и был какой-то шанс выжить после ран, нанесенных Кагуей, он потратил все силы, чтобы отправить Кураму сюда.

Горе рвется в груди Курамы, болит, как открытая рана. Он прижимает к ней когтистую руку, скребет ногтями по гладкой коже вместо меха и рычит. В его горле рык сидит неправильно, недостаточно глубоко, без той силы, которую он должен был бы придать ему. Это человеческий звук, несмотря на то, что он все еще чувствует каждый дюйм чакры биджуу внутри себя.

"Будь ты проклят", - шепчет он, наклоняясь вперед. Его руки ударяются о землю, и длинные

ногти прочерчивают в ней борозды, пытаюсь вернуть контроль над собой. Еще одна вспышка той улыбки, последний смех, звенящий в ушах, и он снова кричит, мучительно и яростно. Его дыхание становится белым, как дым, как пепел - пепел, который останется, когда Курама закончит перемалывать Кагую в небытие за то, что она сделала.

Он склоняет голову, волосы падают на лицо - красные, как кровь, а не светлые, как он надеялся. От Наруто в нем не осталось и следа, и он снова рычит, ударяя кулаком в землю, потому что не может попасть им в проклятое самоотверженное лицо Наруто. "Будь ты проклят!" - кричит он, и его голос жутким эхом разносится над заснеженной вершиной горы, звеня от горя. "Будь ты проклят! Только не так!"

Как угодно, только не так: Курама один, потерянный, на десятки лет вырвавшийся из времени, не имеющий никого, на кого можно было бы положиться, запертый в теле человека, которого он любил больше всех на свете, с обещанием спасти всех на плечах и богиней, протягивающей свои безумные руки, готовой поглотить весь мир. Курама - самый могущественный из биджуу, древний, выдержанный и невероятно сильный, но он не может быть кем-то большим. Он никогда не был героем, что бы ни хотел думать Наруто. Он никогда не был героем, никогда не был хорош без Наруто, который толкал его вперед, побуждал его к действию. Он годами сражался на стороне Наруто, помогал ему, спасал жизни и защищал столько, сколько мог, но только благодаря Наруто.

Внезапная мысль заставляет Кураму сжиматься от ужаса: а что, если Наруто уже нет в живых? Что, если он так далеко, что Наруто еще не родился, и ему придется провести годы, а может, и десятилетия в ожидании искры света, в ожидании того, что его первый друг станет хоть чем-то близким к тому, чем он был когда-то?

А что, если Наруто так и не станет тем, кем он когда-то был?

Что, если изменить Наруто так полностью - единственный способ спасти его?

Курама не дурак: людей формирует их опыт, каждая мелочь в их прошлом. Наруто, выросший с родителями и друзьями, сын хокаге Йондаиме, был бы совсем не похож на того Наруто, которого знал Курама. Измени одно событие, и тот Наруто перестанет существовать.

Курама не хочет, чтобы так случилось. Ему нужен свой Наруто - мальчик с ярко-голубыми глазами, который смеется в лицо смерти, который никогда не сдается и не опускает руки, а ради тех, кого он любит, готов на все. Любая другая версия Наруто будет другой, неправильной, и Курама думает, что возненавидит этого человека, этого притворщика, потому что его версия была самой лучшей из всех возможных, и нет другой, которая могла бы сравниться с ним.

Гнев теперь кипит, заперт и похоронен. Он выдыхает, долго и медленно, а затем поджигает под себя ноги и осторожно поднимается. Быть двуногим - дело привычное, но равновесие теперь другое, нарушенное. Ему приходится стоять прямо, а не наклонившись вперед, и диапазон зрения странно сузился. От холодного ветра по коже бегут мурашки, а щеки

покрываются колючками, и ему становится не по себе, хотя раньше он этого даже не заметил бы.

Пятна крови на его рубашке - рубашке Наруто - уже замерзли, но он старается не думать об этом.

Физически ему кажется, что он не так уж далеко ушел от того места, где находился в будущем. Это все еще Страна Земли, в горах у границы. На краю видимости, если прищуриться сквозь начинающий падать снег, он может различить нависшие очертания пика, на который напала Сакура. Но то было в разгар лета, когда весь снег растаял, а здесь чувствуется настоящая зима, свирепая и кусачая.

Бесполезно звать, потому что никто не откликнется; они выбрали это место, чтобы спрятаться, потому что оно всегда пустовало. Даже нины Ива не любят приходить сюда, если Курама действительно забрался достаточно далеко назад, чтобы Ивагакуре снова существовал. Вместо этого он взбирается на край кратера, делает паузу, чтобы сориентироваться, а затем направляется на юго-восток.

Три шага - и вспышка знакомой чакры останавливает его на месте.

Курама разворачивается на запад, сканируя глазами отвесный обрыв в нескольких ярдах перед собой, а затем опускается, чтобы изучить лес скальных выступов внизу. Мгновение, и вот он снова наступает, перегретая чакра плавит окружающий снег в струе пара, а затем пар уносится ветром.

Поток новой ярости застает Кураму врасплох.

Вспыхивает коррозионно-красная чакра. Когтистые лапы впиваются в снег, и он прыгает вперед в пять длинных прыжков, отталкиваясь от края горы и скатываясь вниз. Холод обжигает кожу, но мысли Курамы наполнены кроваво-красной яростью, и он, не останавливаясь, уклоняется от заснеженных сосен, направляясь туда, где смешиваются ужас и сила. Воздух уже становится теплее, и под ногами снег превращается в слякоть, а затем в голую землю.

Последний прыжок - и Курама приземляется на выступе валунов, теплых, словно пропеченных на солнце, и смотрит вниз.

Между сомкнутыми руками горы человек в красно-черных доспехах противостоит человеку в знакомом черном плаще, украшенном облаками. Чакра Кокуо бурлит, злая и испуганная, даже когда его джинчуурики направляет ее на создание еще большего количества пара, но Курама едва замечает своего товарища по биджуу. Оттянув губы, он яростно зарычал и спрыгнул со своего места, оказавшись между членом Акацуки и шиноби Ива.

Один взгляд, и он вспоминает этого человека, вспоминает, что тот однажды уже чуть не убил Наруто, и Курама рычит: "Какудзу".

Зеленые глаза без зрачков мелькают по нему, потом отводятся, презрительно и скучающе. "Я тебя не знаю, так что ты не получишь вознаграждения", - равнодушно говорит мужчина. "Проваливай. Я занят".

Курама смеется, грубо, так, что горло разрывается, больно, но он не обращает внимания на жгучую боль. "Где твой напарник?" - насмехается он и видит, как джинчуурики Кокуо нервно дергается. "Прячется в кустах? Вы, псы Акацуки, не знали бы, как драться с честью, если бы от этого зависела ваша жизнь, не так ли?"

Какузу переключает внимание на Кураму и получает еще один взгляд, на этот раз более острый. Его глаза настороженно сужаются, и он спрашивает: "Откуда ты знаешь это имя?"

<http://tl.rulate.ru/book/105579/3752728>